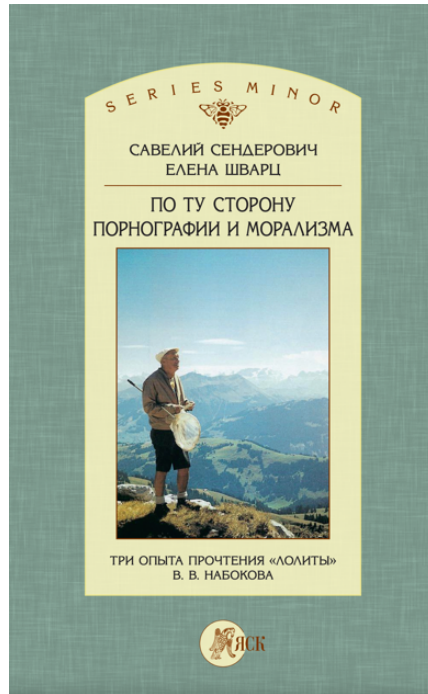


С.Я. Сендерович, Е.М. Шварц. **По ту сторону порнографии и морализма: Три опыта прочтения «Лолиты» В. В. Набокова.** — М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. (Studia philologica. Series minor). ISBN 978-5-907290-58-7 — 128 с.



**В** книге известных набоковедов Савелия Яковлевича Сендеровича и Елены Михайловны Шварц, которые уже более двадцати лет сотрудничают в уникальном творческом тандеме, собраны три опыта чтения романа «Лолита» (1956) (в обеих его версиях — оригинальной английской и авторском переводе на русский язык) под тремя различными углами зрения. Первый опыт предлагает рассмотреть полемический диалог Набокова с концепциями поэта и философа Вяч. И. Иванова. Второй собирает в единую картину разрозненные мотивы из эссеистики и биографии Александра Блока. В третьем соавторы обращаются к анализу вопросов этики и эстетики Набокова. Несмотря на скромную терминологию в названии (опыты), уместнее говорить не о случайных экспериментах, а о дистилляции, основанной на систематической и кропотливой четвертьвековой научной работе (свидетельством чему около 50 посвященных

писателю статей), в центре которой находится осмысление места Набокова в контексте художественного и философского мышления Серебряного века русской культуры.

Образцовые филологические штудии Сендеровича и Шварц разворачиваются как серия загадок с предложенными ключами. Например, в первой же главе читателю предлагается подумать, является ли «гром за сценой» в «Лолите» («... невероятная гроза на дворе несколько заглушила наш скромный “гром за сценой”») [ССАП: 2. 273]) ассоциативной реминисценцией Блока и Иванова. В набоковском восприятии *закулисный гром* Иванова, подхваченный Блоком, восходит к теории происхождения трагедии из дионисийского культа, в котором «пафос боговмещения, полярности живых сил разрешаются в освободительных грозах» («Ницше и Дионис», 1904; *По ту сторону порнографии и морализма*, с. 7). И несмотря на то, что Набоков никогда не упоминал Вяч. Иванова прямо, Сендерович и Шварц демонстрируют, что тексты Набокова буквально пронизаны диалогом с петербургским символистом. «Прятать наиболее важное – таков обычай Набокова» – напоминают исследователи и аккуратно реконструируют диалектическую картину истории современного Символизма с его теургической установкой художника, романтической ностальгией и теорией трагедии. Театральная культура, находящаяся в сердце Серебряного века, вкупе с театральным контекстом слов Блока об Иванове («он с приятностью громыхнул жестяным листом»), позволяют авторам поместить реакцию Набокова на «закулисный гром» и «гром за сценой» в теоретический фундамент его литературной рецепции.

Вторая часть, давшая название всему исследованию – «По ту сторону порнографии и морализма», выступает центральной осью монографии. Как полагают Сендерович и Шварц, вся программа романа «Лолита» и его концептуальное ядро получили свою ориентацию у Блока. Несмотря на американские реалии, набоковский роман (на что ранее указывал также А. А. Долинин) обязан русской литературной традиции в гораздо большей степени, чем это может показаться неискушенному читателю на первый взгляд. Соавторы приводят пример того, как Набоков вплетает в ткань своего американского повествования аллюзии к «Ночной фиалке» Блока, когда *лилово-синий* и *фиалковый* цвет, *дурман*, (одурманенные) цари — на поверку оказываются мотивами из поэмы русского символиста. Исходя из блоковской

поэтической философии, Сендерович и Шварц утверждают: «То, что у Блока представляет собой жизнь в слове, становится у Г.Г. самой жизнью — в соответствии с теоретической программой Блока. Г.Г. создал себе *куклу-демона* и превратил свою жизнь в *балаган*» (*По ту сторону порнографии и морализма*, с. 54). Растлевая Лолиту, как полагают Сендерович и Шварц, Гумберт как бы действует в соответствии с блоковской программой, навязывая своей юной пленнице роли из блоковского «Балаганчика» — от куклы или Незнакомки до Кармен, которые в блоковском мире не более чем перетекающие друг в друга варианты. При этом авторы книги готовы выйти за рамки филологического анализа, переводя фокус на социально-историческое и даже философское измерение романа Набоков. «Лолита» с ее моральным пафосом прочно вошла в канон провокативных романов, которые в массовом восприятии мало отличаются от порнографических — на этом основана широкая популярность произведения. Парадокс романа, по мнению Сендеровича и Шварц, в том, что войти в мир набоковского текста не просто, а для «сопряжения далеких идей» требуется оперирование всей палитрой литературных аллюзий, глубоко укорененных в том, что соавторы называют «элегическим строем». Набокова и Блока роднит так называемое *экзистенциальное напряжение*, схожее с практиками символистов, но не вполне с ними совпадающее.

Завершает книгу глава «Лолита-бабочка». Для анализа романа, пишут Сендерович и Шварц, существуют несколько хорошо разработанных подходов: моральный, исторический, социологический, культурный и эстетический. *По ту сторону порнографии и морализма* следует по другому пути, в рамках которого соавторы пытаются выяснить концептуальный этико-эстетический аспект романа. Методологически для этого вычленяется повторяющийся мотив, который затем интерпретируется «на трех уровнях функционирования: 1. В общем замысле романа; 2. В контексте всего корпуса текстов романиста; 3. В рамках авторского культурного мира, который вовлекает читателя посредством аллюзий и диалога между текстами» (с. 75). Ни нравственность, ни безнравственность не могут быть приписаны роману, однако присутствие в «Лолите» моральной проблематики невозможно игнорировать. Для того, чтобы установить различие между моралью в качестве позиции готовой доктрины и

личным опытом, Сендерович и Шварц предлагают рассматривать гипотезу о том, что история Гумберта и его нимфетки была рассказана «не с моральной или аморальной точки зрения, а в порядке постановки и исследования особой моральной проблематики, которая не укладывается ни в одну готовую рамку» (с. 78). Для этого они привлекают эстетические и философские воззрения Льва Толстого, Канта, Ницше, и особенно важного для Набокова-писателя автора – Артура Шопенгауэра. В отличие от последнего, который разрабатывал «этику для всех», по мнению Сендерович и Шварц, Набоков сосредоточен на художнике и занимается только тем, что имеет отношение к миру художника в русле «этики художника» или того, кого писатель называет *homo poeticus*. Таким образом, балансируя на грани схождения искусства и жестокости, художник должен быть волшебником (с. 90). Данная парадигма, в свою очередь, подводит соавторов к магистральному символу третьей части книги, а именно – мотиву бабочки, которая одновременно воплощает красоту и объект жестокости со стороны ловца. Благодаря частотности появления на страницах его произведений, *бабочка*, по сути, является мотивом-подписью профессионального лепидоптеролога и страстного охотника за бабочками Набокова (с. 92). Ассоциативная ткань исследования позволяет соавторам видеть как макро-, так и микрокартину «Лолиты». В качестве иллюстрации сочетания двух подходов приведем здесь расшифровку Сендеровичем и Шварц смысла картинки, которую Г.Г. в начале романа обнаружил на стене своей будущей комнаты, — речь идет о репродукции «Крейцеровой сонаты» Ренэ Принэ. Другим украшением дома Гейзов служит цветная реклама, на которой известный драматург затягивался папиросой «Дромадер». Драматург на рекламе сигарет – это, конечно, автор пьесы «Зачарованные охотники» Клэр Куильти собственной персоной, а функция рекламной картины, как справедливо отмечают Сендерович и Шварц (с. 111), показать читателю, что репродукция Принэ и есть своего рода реклама (кстати, ее на самом деле использовали в качестве продвижения известных духов бренда «Табу»). Впрочем, недостаточно просто зафиксировать параллель; набоковеды делают еще один шаг, помогающий увидеть более глубокую – и изящную – набоковскую схему: во-первых, Гумберт унаследовал дядину фабрику духов; во-вторых, для рекламы духов подбирается символическая презентация идеи табу и одновременно его нарушения повествователем и героем романа.

В своей новой книге Савелий Сендерович и Елена Шварц в очередной раз показывают виртуозное владение предметом и высокий класс русско-американского набоковедения, когда петербургская классическая филологическая школа сочетается с инновационными литературоведческими практиками Корнеллского университета.

Yuri Leving,  
*Princeton University*

